

ISSN 2542-1034

№ 2/2016

НАУЧНОЕ СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

«EO IPSO»

Москва

2017

Научное сетевое издание «ЕО IPSO»

ISSN 2542-1034

Договор с РИНЦ № 511-08/2015 от 6 августа 2015г.

Периодичность: 1 раз в месяц

Учредитель: Европейский фонд инновационного развития

Главный редактор:

Сукиасян Асатур Альбертович, кандидат экономических наук, доцент.

Редакционный совет:

Агафонов Юрий Алексеевич, доктор медицинских наук, доцент;
Баишева Зия Вагизовна, доктор филологических наук, профессор;
Ванесян Ашот Саркисович, доктор медицинских наук, профессор;
Вельчинская Елена Васильевна, кандидат химических наук, доцент;
Иванова Нионила Ивановна, доктор сельскохозяйственных наук, профессор;
Калужина Светлана Анатольевна, доктор химических наук, профессор;
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент
Конопацкова Ольга Михайловна, доктор медицинских наук, профессор;
Мухаммадеева Зинфира Фанисовна, кандидат социологических наук, доцент;
Пономарева Лариса Николаевна, кандидат экономических наук, доцент;
Почивалов Александр Владимирович, доктор медицинских наук, профессор;
Прошин Иван Александрович, доктор технических наук, доцент;
Симонович Николай Евгеньевич, доктор психологических наук, профессор, академик РАЕН
Смирнов Павел Геннадьевич, кандидат педагогических наук, профессор;
Старцев Андрей Васильевич, доктор технических наук, профессор;
Хромина Светлана Ивановна, кандидат биологических наук, доцент;
Шилкина Елена Леонидовна, доктор социологических наук, профессор;
Шляхов Станислав Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор;
Юсупов Рахимьян Галимьянович, доктор исторических наук, профессор.

Верстка: Мартиросян О.В. || Редактор/корректор: Мартиросян Г.В.

Редакция научного сетевого издания «ЕО IPSO»:
Телефон: + 7-(499)-391-54-57 || Web: <http://efir-msk.ru> || E-mail: journal@efir-msk.ru

Подписано для публикации на сайте 23.08.2016 г.
Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 10.22.

Научное сетевое издание «ЕО IPSO» включено в Российский индекс научного цитирования

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Ответственность за точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых статей.

СОДЕРЖАНИЕ

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Маль Г.С., Болдина Н.В.** 4
ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ГИПОЛИПИДЕМИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ У БОЛЬНЫХ
ИБС В СОЧЕТАНИИ С ОСТРЫМ ИНФЕКЦИОННЫМ ПРОЦЕССОМ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Владимирская О.Ю.** 7
ПРОЦЕСС ГЕРМОКОПИДОВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Маль Галина Сергеевна

д.м.н, профессор КГМУ,

г. Курск, РФ

E-mail: mgalina.2013@mail.ru

Болдина Наталья Владимировна

к.м.н., старший преподаватель КГМУ,

г. Курск, РФ

E-mail: natalja.bldina@rambler.ru

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ГИПОЛИПИДЕМИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ У БОЛЬНЫХ ИБС В СОЧЕТАНИИ С ОСТРЫМ ИНФЕКЦИОННЫМ ПРОЦЕССОМ**Аннотация**

В статье рассмотрены аспекты влияния полиморфизма гена белка-переносчика эфиров холестерина на эффективность гиполипидемической терапии. Крупномасштабные геномные исследования обнаружили более значимую корреляцию между полиморфизмами гена *СЕТР* и концентрацией ХС ЛВП, чем среди других локусов. Генотипирование СЕТРТaq1В (+279G>А) (rs708272) проводилось методом ПЦР в режиме реального времени. Критерием эффективности гиполипидемической терапии являлось условие достижения целевых значений ХС ЛНП. Установлено влияние функционально значимого полиморфизма гена белка-переносчика эфиров холестерина на изменение показателей липидного обмена, что может косвенно указывать на вовлеченность данного гена в патогенез гиперлипидемий у обследованных нами больных ИБС. Розувастатин показал значительный гиполипидемический эффект в отношении всех исследованных показателей липидного обмена уже на 12 неделе лечения. Что касается, влияния острого инфекционного процесса на течение ИБС, нами выявлен факт дестабилизации атеросклеротической бляшки, обусловленный хроническим воспалением, имеющим место при атеросклерозе, что приводит к прогрессированию ишемии у данных пациентов.

Ключевые слова

Ишемическая болезнь сердца, воспаление, гиперлипидемия, белок-переносчик эфиров холестерина

Ишемическая болезнь сердца (ИБС) – одно из наиболее распространенных сердечно-сосудистых заболеваний, приводящих к потере трудоспособности, снижению качества жизни, инвалидизации и увеличению смертности пациентов, как во всем мире, так и в России [1, с. 109– 112; 2 с. 58].

Известно, что генетические особенности пациента более чем на половину могут определять неадекватный фармакологический ответ [4 с. 1-2]. Учитывая, что метаболизм всех лекарственных средств в организме человека генетически детерминирован, то применение современных фармакогенетических тестов для подбора индивидуальной дозы гиполипидемического препарата приобретает все большую актуальность для персонализированной медицины [3 с. 31-35].

Интересным фактором является поддержание местного воспаления в атеросклеротической бляшке с активацией клеток эндотелия и индукцией экспрессии молекул адгезии, протромботической активности эндотелия про- и противовоспалительными цитокинами. Существуют предположения о влиянии активации системы интерлейкинов при развитии инфекционных процессов в организме на течение хронического воспаления в атеросклеротической бляшке [5, с.25]. Тем самым заслуживает внимания изучение влияния инфекционного заболевания на течение ишемической болезни сердца и приверженности к лечению.

Цель исследования – провести сравнительную оценку эффективности гиполипидемической

коррекции нарушений липидного обмена ингибиторами синтеза холестерина (розувастатин в дозе 10мг/сут) у больных ИБС с атерогенной гиперлипидемией в сочетании с острым инфекционным заболеванием с учетом фармакогенетических принципов.

Материалы и методы. Под наблюдение взято 60 пациентов, находящихся на госпитализации в ОБУЗ «Областной клинической инфекционной больнице имени Н.А. Семашко» и в кардиологическом отделении ОБУЗ «Курская городская больница № 1 имени Н.С. Короткова».

Основная группа, включающая 35 человек – это больные ИБС в сочетании с вирусной инфекцией. Контрольная группа представлена 25 пациентами, страдающими ИБС, без вирусной инфекции. В исследование были включены мужчины (средний возраст- 55±1.4лет). Из факторов риска было зарегистрировано: курение — у 22 больных(62%), малоподвижный образ жизни - у 10 больных (28%). Критерии включения в основную группу составили: мужской пол, возраст от 41 до 60 лет, ранее не получавшие статины или прервавшие лечение, наличие информированного согласия пациента. Критерии исключения: индивидуальная непереносимость исследуемых препаратов, отказ пациента от проводимого лечения, пороки сердца, трепетание предсердий [1].

Результаты:

1. У больных ИБС присоединение инфекционной патологии (ОРВИ) приводило к дестабилизации течения ишемической болезни и атеросклероза, что проявлялось изменениями липидного профиля и данными УЗИ брахиоцефальных сосудов.

2. У пациентов с полиморбидной патологией (ИБС, стабильная стенокардия напряжения с сочетанной ГХС и ОРВИ) терапия розувастатином в стартовой дозе 10 мг/сут. является неэффективной.

3. Увеличение дозы препарата при гиполипидемической терапии приводило к достижению целевых значений ХС ЛНП у 54% больных ИБС с вирусной инфекцией и у 56% больных ИБС.

4. При монотерапии розувастатином в дозе от 10 мг/сут. до 40 мг/сут. носительство генотипа –511СТ по полиморфизму –511С>Т (rs16944) гена IL-1β ассоциируется со сниженным уровнем ХС ЛВП у всех исследуемых больных с кардиологической патологией.

5. Носительство данного генотипа по полиморфизму –511С>Т (rs16944) определяет большую предрасположенность к нарушению липидного обмена за счет более высоких атерогенных фракций липид-транспортной системы до лечения и низкую эффективность розувастатина в дозе 10мг в сут, что требует назначения 40мг в сут.

6. Больные ИБС в сочетании с респираторной вирусной инфекцией и без признаков вирусной инфекции, к 12 неделе монотерапии розувастатином, не достигшие целевых значений по показателю ХС ЛНП, отражающему эффективность проводимой гиполипидемической терапии на следующем этапе наблюдения получали увеличенную дозу препарата.

7. Пациентам, не достигшим целевых значений ХС ЛНП, с 12 недели наблюдения рекомендовано увеличение дозы розувастатина до 40 мг/сут.

Список используемой литературы

1. Аронов, Д. М. Первичная и вторичная профилактика сердечно-сосудистых заболеваний — интерполяция на Россию / Д. М. Аронов // Сердце. — 2002. — № 3. — С. 109– 112.
2. Диагностика и коррекция нарушений липидного обмена с целью профилактики и лечения атеросклероза. Российские рекомендации (IV пересмотр). // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2009. – Т. 8, №6 (Прилож.3). - 58 с.
3. Клинико-фармакологические аспекты полиморфизма генов-транспортеров органических анионов / В. Г. Кукес, Д. А. Сычев, Р. Е. Казаков и др // Молекулярная медицина : научно-практический журнал. — 2006. — N 1 . — С. 31-35.
4. Кукес, В. Г. Изучение биотрансформации лекарственных средств - путь к повышению эффективности и безопасности фармакотерапии / В. Г. Кукес, Д. Сычев, Е. Ших // Врач: ежемесячный научно-практический и публицистический журнал / Московская медицинская академия им. И.М. Сеченова (М.). — 2007. — №1

5.Салахова Г.М. Клинико- диагностическое и прогностическое значение маркеров воспаления при ишемической болезни сердца: Автореф. дис. канд. мед. наук.–Челябинск., 2010. 25

© Маль Г.С., Болдина Н.В., 2017

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Владимирская Ольга Юрьевна

канд. ист.наук, СПбГУ, Институт Истории

Санкт-Петербург, РФ

E-mail: o.vladimirskaya@spbu.ru

ПРОЦЕСС ГЕРМОКОПИДОВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ

Аннотация

В статье рассматривается Сицилийская экспедиция 415\13 гг. до н.э. и политические события, происходившие в то время в Афинах, а именно, осквернение герм накануне отплытия флота и связанный с этим процесс гермокопидов. Уделяется внимание расследованию процесса, роли Алкивиада и интригам вокруг него. Делается вывод о пагубном влиянии процесса на судьбу афинской демократии V в. до н.э.

Ключевые слова

Процесс гермокопидов, Афины, демократия, гетерии, Андокид, Алкивиад.

После начала Пелопоннесской войны вокруг боевых действий и отношения к их продолжению или прекращению бушевали политические страсти в Афинах. По сути, в государстве существовало два политических течения: сторонники войны и сторонники мира. Военную политику отстаивала радикально-демократическая (пирейская) партия, объединявшая крупных торговцев, наживавшихся на морской торговле и военных заказах. В их интересах было начатое при Перикле продвижение сферы афинского влияния на запад, в плодородные области южной Италии и Сицилии, где традиционно господствовали пелопоннесцы. Они опирались на городской плебс, зачастую не имевший даже зевгитского ценза, так называемый «корабельный люд», который поддерживал радикальную демократию. Вождями этого движения являлись народные вожаки – демагоги, в отличие от Перикла и его предшественников, основывающие свое влияние не на высоких государственных должностях, но на личном обращении к народной массе.

Противниками войны были, во-первых, малочисленные группы олигархов-заговорщиков, входившие в тайные гетерии, которые ратовали не только за прекращение войны и экспансии на запад, но и за ограничение беднейших классов афинского гражданского коллектива в политических правах [10, р.321]. Однако после изгнания своего вождя, Фукидида сына Мелесия, и начала Пелопоннесской войны эта сила не имела легальной возможности влиять на политику и, до времени, действовала тайно. Основной же силой «партии мира» были умеренные демократы из числа землевладельцев, чьи владения страдали от набегов с Пелопоннеса. Вождем этого движения был афинский аристократ Никий сын Никерата, крупный землевладелец, также зарабатывавший сдачей рабов в наем для разработки Лаврийских серебряных рудников (Plut. Nic.4).

Когда признанный лидер радикальных демократов Клеон погиб в 422 г. до н. э. в битве под Амфиполем, а между Спартой и Афинами был заключен Каллиев мир (Thuc.V.18-21), радикальную партию возглавили сразу два вождя, почти во всем противоположные друг другу. Одним из них был Гипербол из Перифед, настоящий политический приемник Клеона: представитель торгового сословия, демократ и демагог (Aristoph. Pax.680; Ran.570). Вторым же был Алкивиад сын Клиния, аристократ очень знатного происхождения: по отцовской линии он принадлежал к роду Эвпатридов, восходящему к мифическому герою Эвриску, сыну Эанта, а по матери происходил из Алкмеонидов. К тому же, его опекуном и воспитателем был сам Перикл (Plut. Alc.1). Он обладал военным и политическим талантом, был блестяще образован, кроме того, имел богатство и обширные связи, то есть все, что необходимо для быстрой карьеры. При этом, Алкивиад являлся представителем совершенно новой формации политика: нигилист и крайний индивидуалист, озабоченный не партийным, а исключительно личным успехом. Плутарх говорит об ораторах - сподвижниках

Алкивиада, помогавших ему продвигать идею Сицилийской экспедиции (Plut. Per.20). Вероятно, он с самого начала опирался на группу преданных лично ему сторонников из числа родни и прочих представителей афинской «золотой молодежи».

Понимая, что подвинуть такого опытного и зарекомендовавшего себя на военном и политическом поприще лидера, как Никий, ему не удастся, Алкивиад примкнул к радикалам партии войны и приложил немало усилий для возобновления военных действий между Афинским и Пелопоннесским союзами. В 420 г. до н.э., как только ему исполнилось 30, Алкивиад был избран стратегом (Plut. Alc.15; Nic.10), и уже на следующий год афинское собрание обвинило Спарту в нарушении союзного договора (речь шла об оказании помощи Эпидавру в войне с Аргосом, союз с которым также устроил Алкивиад). Затем он добился того, чтобы союзники Афин, в том числе Аргос, предприняли военное вторжение в Аркадию, которое закончилось их жестоким разгромом под Мантинеей в 418 г. до н.э. и установлением в Аргосе олигархического правления. (Thuc.V .56; 61). Это поражение едва не стоило Алкивиаду карьеры. Гипербол со своими сторонниками по пирейской партии решил избавиться от опасного конкурента, заодно возложив на него всю ответственность за неудачи. Была организована попытка остракизма Алкивиада, но тот ловко обошел своих врагов, перебежав в стан умеренных. В результате Алкивиад, объединившись с Никием, сам добился изгнания Гипербола (Thuc.VIII .73; Plut. Nic.11). Точная дата остракизма нам не известна, но, вероятнее всего, он произошел в 417 г. до н.э. Это был последний случай применения остракизма в Афинах (Aristot. Ath.pol.43.5).

Однако внешнеполитическая ситуация не благоприятствовала сторонникам мира: в 416 г. до н.э. Селинунт напал на союзный Афинам город Эгеста в северной Сицилии (Thuc.VI .6). Известие об этом, сопровождавшееся просьбой о помощи, вызвало в Афинах бурю возмущения. Все, и прежде всего вожди «Пирейской партии», заговорили о необходимости военной экспедиции, тем более что отказ в помощи союзникам означал для Афин потерю всех, достигнутых еще Периклом, политических успехов на западе и похоронил бы афинскую западную стратегию. С другой стороны, успех сулил многое. В планах сторонников похода было небывалое расширение Афинской морской империи, включение в нее всей Сицилии, Италии и даже Карфагена (Thuc.VI .15 sqq.; Diod. XII.84.1; Plut. Alc.17, Nic.12 sqq.; Nep. Alc.3.1).

Алкивиад, честолюбивым замыслам которого как нельзя больше соответствовали подобные широкомасштабные замыслы, с самого начала стал горячим сторонником экспедиции на Сицилию и душой всего предприятия. Согласно Плутарху, Алкивиад еще до народного собрания, в котором должен был решаться вопрос о войне, сумел так настроить народную массу, что решение было predetermined заранее (Plut. Nic.12). При этом, вероятно, он опять переметнулся от умеренных в стан радикалов. В результате, военная экспедиция на Сицилию была одобрена, а стратегами назначены сам Алкивиад, а также имевшиеся у Афин в наличии опытные полководцы Никий и Ламах (Plut. Nic.12).

Но буквально накануне отплытия эскадры произошло событие, направившее умы афинян совсем в ином направлении: за ночь в городе были повреждены почти все гермы (каменные изображения Гермеса, во множестве стоявшие на перекрестках и у входов в дома). Это явно было делом рук многих организованных людей, поэтому в произошедшем сразу увидели и дурное предзнаменование, и заговор, направленный на ниспровержение государственного строя. Совет и народ сразу же учредили следствие по делу о святотатстве, и установили награды за донос (Thuc.VI .27; And.,I .40; Plut. Alc.18). Так начался печально известный в истории процесс гермокопидов.

Дело было темное и, по-видимому, с самого начала стало ареной для политических, а возможно, и личных разборок. Награда за донос в 10 000 драхм была установлена согласно предложению Писандра, политика-перевертыша, не менее беспринципного, чем сам Алкивиад (в то время он принадлежал к демократической партии, а в будущем станет одним из наиболее активных членов олигархической Тирании тридцати). Награду за второй донос, размером в 1000 драхм, установили по предложению Клеонима, убежденного демократа-радикала и противника Алкивиада [5, с.317]. Было также принято постановление народного собрания, согласно которому любой, будь он гражданином,

метеком, чужеземцем или рабом, может безнаказанно для себя сделать донос о любом святотатстве, даже если он сам был его соучастником (Thuc.VI.27).

Последовал ряд доносов, однако не по делу о гермах, что было бы ожидаемо, а о якобы имевшей место профанации Элевсинских мистерий. По словам доносчиков, пьяная компания, состоявшая из самого Алкивиада, а также его друзей и знакомых, еще до происшествия с гермами устраивала маскарад, пародировавший мистерии. Подробности об этом сообщает Андокид, афинский аристократ и оратор, сам являвшийся одним из основных фигурантов в деле гермокопидов. По его словам, всего имели место четыре доноса против Алкивиада и его друзей. Первый из доносов был обставлен с крайним драматизмом: когда флагманская триера уже стояла на рейде, а стратеги отправляющегося войска должны были выступить в Народном собрании, туда явился некий Пифоник, заявивший, что желает сообщить собранию о нечестии против богов. Им, в качестве свидетеля, был представлен раб по имени Андромах, показавший, что он сам и его брат, а также еще трое рабов, прислуживали во время вечеринки, на которой произошла профанация Элевсинских мистерий, инициаторами которой являлись Алкивиад, Никсад и Мелетр, а само действие происходило в доме некоего Пулителиона. При этом, как следует из обвинения, сам Алкивиад надевал длинное платье, изображая иерофанта, Пулителион, хозяин дом, изображал факелоносца, а Феодор из Фега – глашатая. Остальные же именовали себя мистами и эпоптами (And.I.11-14; Plut. Alc.22).

Согласно Плутарху, донос на Алкивиада сделал некто Андрокл, который представил суду несколько рабов и метеков, доносивших, что Алкивиад и его друзья в пьяном виде пародировали мистерии, а также изуродовали какие-то статуи богов еще до происшествия с гермами (Plut. Alc.19; ср.: Thuc.VI.28). Согласно Андокиду, Пифоник и Андрокл, впоследствии спорили из-за того, кому должна принадлежать награда за донос (And.I.27), так что, возможно, они действовали сообща. Еще один донос сделал метек по имени Тевкр, который и получил вторую из обещанных судом наград (первая досталась Андромаху). Этот метек бежал в Мегары и оттуда сделал Совету предложение донести на виновников нечестия против богов в обмен на гарантии неприкосновенности. Получив их, он прибыл в Афины, где дал показания по обоим делам: по профанации мистерий он назвал двенадцать имен, в том числе и свое собственное, а по разрушению герм - девятнадцать других (And.I.15;34).

Третий донос сделал Лидий, раб Ферекла из дема Фемак. По его свидетельству, профанация мистерий проходила в доме его хозяина, Ферекла, и он назвал перечень имен, который, по-видимому, совпадал с предыдущими, поскольку Андокид их не перечисляет, но добавил новые имена: Акумена и Автократора (And.I.17;18). Четвертый донос выбивается из общего ряда: если все прочие доносчики были метеками или рабами, то его сделала женщина, принадлежавшая к афинской знати. Доносчица Агариста, судя по имени, принадлежала к роду Алкмеонидов, то есть приходилась родней самому Алкивиаду, что должно было придать вес ее свидетельству. Андокид указывает, что ее первым мужем был Дамон, возможно, тот самый Дамон, который некогда был учителем Перикла, и в этом случае она должна была быть женщиной довольно преклонного возраста (And.I.16-17; Plut. Per.4). Она назвала еще одно место проведения псевдомистерий: дом Хармида возле храма Зевса Олимпийского, а в качестве главных участников – Алкивиада, его дядю Аксиоха из Скамбонид и его друга Адиманта, причем они оба из-за этого доноса вынуждены были бежать (And., I,16). В общем, из показаний доносчиков следовало, что профанации мистерий производились несколько (не менее трех) раз, причем вовлечено в нечестие было более двух десятков человек.

Как считает Фукидид, вся эта атака была направлена против Алкивиада и его ближайшего окружения, с целью убрать его с пути и отстранить от командования (Thuc.VI.28-29). Но союзники, прежде всего мантинейцы и аргосцы, настаивали на его участии в походе, вплоть до того, что отказывались сражаться под чьим бы то ни было иным командованием. Тогда народным собранием было принято решение отложить суд до возвращения Алкивиада из похода, чему он сам горячо противился, настаивая на немедленном разбирательстве. Враги стратега не без основания считали, что гораздо скорее одолеют его, когда он окажется вдали от Афин и ни сам, ни большинство его сторонников, отправившихся вместе с ним, не смогут влиять на умы соотечественников (Thuc.VI.29;

Plut. Alc.19).

Четыре человека: Эвфилет и Ферекл, Мелет и Феодор, согласно различным доносам, оказались причастны как к профанациям мистерий, так и к осквернению герм (And.I.13;17;35;52;67; Plut. Alc.22), но Фукидид и Плутарх оба говорят, что мнение о том, что осквернение герм и профанация мистерий связаны между собой и являются следствием заговора с целью ниспровержения демократии, сложилось уже после отплытия флота (Thuc.VI.60; Plut. Alc.20). По словам Андокида, данную идею озвучили в народном собрании Писандр и Харикл, назначенные в числе следователей по делу гермокопидов, а произошло это, по крайней мере, уже после доноса Тевкра, объединившего в своем доносе оба преступления (And.I.36). Это значит, что эскадра отплыла сразу или вскоре после самого первого доноса.

Однако Алкивиад не был бы самим собой, если бы не попытался переломить ход ситуации. Такой попыткой стал донос Диоклида, ставший кульминацией процесса гермокопидов. Впоследствии оказалось, что донос является ложным, а самого Диоклида подговорили выступить с ложным обвинением Алкивиад из Фегунта и Аммиант с Эгины, оба активные сторонники Алкивиада. Диоклид показал, что выйдя из дома ночью с целью направиться на Лаврийские рудники, где у него был раб, стал свидетелем странного сборища, происходившего в театре Диониса. Спрятавшись в тени, Диоклид якобы увидел собравшуюся в оркестре толпу числом около трехсот человек, стоявшую группами по пятнадцать-двадцать, и, при свете полной луны, сумел даже разглядеть большинство лиц. Возвращаясь из Лавриона, он узнал о случившемся святотатстве и об установленных государством наградах, однако счел более выгодным получить деньги виновников преступления, о чем переговорил с Эвфемом, сыном Телокла, а затем встретился с другими заговорщиками в доме Леогора, где они договорились, что Диоклид получит за молчание два таланта серебра, и что его услугу не забудут в случае успешного государственного переворота. Они, якобы, даже скрепили свой договор взаимными клятвами, данными на Акрополе, но Диоклиду вовремя не заплатили оговоренную сумму, и тогда он решился разоблачить заговорщиков. (And.I.38-42). Между полнолунием, в которое происходило осквернение герм, и доносом должно было пройти около полутора месяцев [8, p.28, note 43].

Андокид добавляет, что уже после доноса Тевкра страх в гражданском коллективе был так велик, что граждане, опасаясь быть схваченными, убежали с площади всякий раз, когда глашатай призывал членов Совета идти в Булевтерий (And.I.36). После заявления Диоклида он перешел в ужас. Теперь можно было хватать фактически каждого, стоило только Диоклиду сообщить, что он «вспомнил» его лицо. Всего доносчик назвал 42 имени, включая двух членов Совета - Мантифея и Апсефиона, причем Писандр внес предложение пытать всех, кто был перечислен, чтобы узнать имена остальных злоумышленников еще до наступления ночи. Мантифею и Апсефиону с трудом удалось добиться, чтобы их отпустили на поруки, после чего они немедленно бежали, бросив поручителей на произвол судьбы. Все остальные были схвачены (And.I.43-44).

Среди оговоренных Диоклидом был Евкрат, брат Никия, затем Таврей - вероятно, тот самый, которого Алкивиад публично оскорбил, поссорившись с ним из-за соперничества в хорегии (And., IV ,20; Plut. Alc.,16), а также его сын Нисей. Диоклид назвал имя Хармида, сына Аристотеля, приходившегося оратору Андокиду двоюродным братом по матери (возможно, Аристотель тоже был в числе оговоренных), очевидно, того самого Аристотеля, который был стратегом во время правления Четырехсот, яростным противником возвращения Алкивиада, одним из тех, кто готовился сдать город спартиатам, а в 404 г. до н.э. стал одним из Тридцати тиранов (Thuc.VII.68.3;90; Xen. Hell.II.3.46). Относительно самого Андокида мы знаем, что он принадлежал к лагерю непримиримых олигархов. Таким образом, мы можем предположить, что Алкивиад пытался вести свою игру, и донос Диоклида был замышлен как удар по его врагам, однако из-за Андокида эта акция принесла скорее обратный результат [9, vol. IV, p.287].

В общем, если первая серия доносов была направлена против Алкивиада и его сторонников, то вторая – против его противников из стана олигархов. Но членам демократической партии,

осуществлявшим следствие, преследование и тех, и других оказалось на руку. Среди арестованных по доносу Диоклида оказался юноша из очень знатной семьи, известный своим разгульным образом жизни и олигархическими взглядами, по имени Андокид – тот самый афинский оратор, благодаря которому мы многое знаем о процессе гермокопидов. Видя безвыходность своего положения, он сам решил пойти навстречу следствию, как говорится, «облегчив свою участь чистосердечным признанием». Андокид показал, что осквернение было делом рук олигархической гетерии, членом которой он сам являлся. Инициатором этой акции стал ее лидер - Эвфилет. Во время пирушки этот самый Эвфилет и предложил осквернить гермы, чтобы связать членов гетерии узами общего преступления. Однако тогда это предложение было отвергнуто из-за несогласия Андокида. Затем, когда последний покалечился, упав с лошади, Эвфилет все-таки осуществил свой план. Андокид, однако, хранил молчание, соблюдая верность своим гетайрам, до тех пор, пока не оказался в тюрьме под угрозой пыток и смерти. Чтобы доказать правдивость своих слов, Андокид указал на большую герму, стоявшую подле его дома и чуть ли не единственную в городе, которая осталась неповрежденной, и, кроме того, позволил допросить под пыткой своего раба, который подтвердил, что Андокид в момент осквернения был покалечен и не вставал с постели. Кроме того, пританы взяли служанок из того дома, откуда злоумышленники вышли, чтобы совершить свое дело (And.I.61-65).

Сообщение Андокида позволило Совету взять ситуацию, выходящую за все рамки разумного, под контроль. Теперь уже сам Диоклид оказался обвинен в лжесвидетельстве и был казнен, а лица, подстрекавшие его, бежали. Андокид и все, на кого указал Диоклид, но которых не было в списках Андокида, и других доносчиков освободили; остальных обвиненных, которые находились в руках афинян, казнили, за голову бежавших назначили награду (Thuc.VI.60; ср.: Plut. Alc.21). На этом, собственно, разбирательство по поводу разрушенных герм было прекращено.

По сути, Андокид подтвердил донос Тевкра, добавив к нему лишь четыре новых имени, причем, по его утверждению, всем, кого он оговорил, удалось бежать (And.I.67). «Из остальных, на которых прежде донес Тевкр, ни умершие не стали бы из-за меня более мертвыми, ни бежавшие - еще более изгнанными», - говорил он сам об этом деле (And.I.59). Возможно, он стремился скрыть истинных виновников преступления, назвав имена тех, кому, по его мнению, все равно нельзя было помочь, и придумал заговорщикам именно такую мотивацию, которая соответствовала представлениям народа о тайных олигархических кружках. С другой стороны, яростная ненависть к Андокиду со стороны пришедших в 411 г. до н.э. к власти олигархов говорит за то, что сообщенная им информация соответствовала действительности хотя бы отчасти [7, с.18]. Завершение расследования по делу о разрушении герм вовсе не означало, что афиняне забудут о профанации элевсинских мистерий, а если бы и забыли, то имелось достаточно желающих им об этом напомнить. Алкивиад, не раз за прошедшие несколько лет менявший сторону и предававший союзников, успел восстановить против себя абсолютно все политические силы в Афинах, которые теперь, пользуясь случаем, рады были от него избавиться. Ситуация способствовала этому: вылазка небольшого спартанского отряда на Истм привела афинян в панику, одну ночь они даже провели, вооружившись, в храме Тесея. Говорили, что сторонники Алкивиада стремились впустить врага в город (Thuc.VI.60.2-3). Вторым событием стала неудачная попытка олигархического переворота в Аргосе, в котором принимали участие друзья и гостеприимцы Алкивиада (Thuc.VI.60.3; Diod.XIII .5.2). Тогда афиняне выдали аргосцам на казнь 300 знатных заложников из Аргоса, которых вывез оттуда и поселил на одном из островов Алкивиад (Thuc.V.84.1). После всех этих событий афиняне уже не сомневались в виновности Алкивиада и послали за ним корабль «Саламинию» с приказом доставить его для суда (Thuc.VI.60.4-5; Diod.XIII.5.3; Plut. Alc.21). Он согласился отправиться в Афины на суд, но вместо этого сбежал в Фуриях вместе с ближайшими соратниками и родней, обвиненными, как и он, в нечестии. Все они были заочно приговорены к смерти, конфискации имущества, а элевсинские жрецы предали их проклятию (Thuc.VI.61; Plut.Alc.21-22).

Исследователи часто спорят о том, правильно ли поступил Алкивиад, покинув войско, но они забывают, что Алкивиад не был единственным стратегом, и Никий, осуществлявший фактическое

военное руководство, вовсе не принадлежал к числу его друзей. Оставаясь в войске и вернувшись на родину, Алкивиад подвергался равной опасности и, сбежав, избрал для себя и своих приближенных наиболее безопасный выход.

История с разрушением герм так и остается темной. Уже в древности она вызывала споры историков и самые различные суждения. Споры эти не утихли и по сей день. Представлять ее просто выходкой пьяных юнцов не представляется возможным: Афины - большой город, который в то время не обладал уличным освещением. Провести за одну ночь столь масштабные разрушения по всему городу и не привлечь ничье внимание для группы подвыпившей молодежи не представляется возможным чисто технически. Вряд ли можно увидеть в этом и интригу демократов: хоть избавиться от ряда политических противников было бы для них привлекательно, но очень уж неподходящий был момент. Сицилийская экспедиция являлась демократическим проектом, и ставки в нем были слишком высоки, чтобы подвергать дело опасности ради частных политических выгод. Мотивация заговорщиков, выдвигаемая Андокидом, то есть преступление ради самого преступления, также сомнительна: слишком уж велик и серьезен был масштаб и связанные с ним риски. Преступлению такого рода, которое должно было стать залогом для заговорщиков, надлежало быть тайным.

Наиболее вероятным мотивом преступления остается желание отсрочить или вовсе сорвать Сицилийскую экспедицию. Еще в древности существовала версия о том, что осквернение было делом рук коринфян, которые, конечно, более всех были заинтересованы в срыве экспедиции. Это мнение было выражено рядом поздних авторов. Плутарх в «Жизнеописании десяти ораторов» (II,5) пишет, ссылаясь на Кратиппа, что коринфяне послали в Афины людей, которые ночью разрушили гермы (ср.: Plut. Alc.18). В Лексиконе Фотия под словом *Нермокоридай* сказано: «Говорят, что это преступление совершил Алкивиад, действовавший заодно с коринфянами». Маловероятно, чтобы Коринф имел в Афинах достаточно мощную агентуру, способную на подобные действия, подослать же людей им было бы затруднительно, так как оба полиса находились в тот момент в состоянии войны друг с другом. Версия о коринфянах восходит, в конечном итоге, к Кратиппу: ни у Фукидида, ни у Андокида мы не найдем на этот счет никаких указаний [1, с.215, прим.7].

Наиболее вероятным нам представляется вариант, к которому, в конце концов, пришло официальное следствие: осквернение герм было предпринято афинской олигархической гетерией Эвфилета. Это произошло в результате заговора, ставившего, по всей видимости, истинной целью смуту в обществе, срыв экспедиции и компрометацию ее вдохновителя Алкивиада.

Мы не знаем, устраивал ли в действительности Алкивиад и его сподвижники некий кошунственный маскарад, или же его оговорили враги, пользуясь возникшим в обществе смятением. Донос Агаристы, родственницы Алкивиада, может говорить в пользу первого предположения. Причины поднявшегося против него озлобления в другом. «Бросавшаяся в глаза уже современникам политическая чужеродность Алкивиада, несовместимость его образа действий с традиционными полисными принципами, демократическими и олигархическими в равной степени, имела своим следствием рано развившееся в обществе подозрение. К Алкивиаду стали относиться с недоверием все - демократы в такой же степени, как и олигархи» [6, с.20]. Алкивиаду не доверяли и могли подозревать в самых разных замыслах, вплоть до желания стать тираном. Против него сложилась коалиция, в которую вошли представители самых разных политических сил, от радикальных демократов до сторонников олигархии: основным инициатором обвинения был лидер афинских демократов Андрокл из Питфа (Thuc.VIII.65; And.I.27; Plut. Alc.19), официальное обвинение подал представитель аристократии Фессал, сын Кимона (Plut. Alc.19; 22), руководителями следствия являлись «демагоги-перевертыши», будущие члены Тирании тридцати Писандр и Харикл (And.I.27; 36; 43).

Итоги процесса гермокопидов и кипевших вокруг него интриг оказались пагубны для Афин: Алкивиад бежал и примкнул к спартанцам, войско на Сицилии лишилось признанного вождя и, в конце концов, потерпело сокрушительное поражение, которое стало началом конца афинской морской империи.

Список использованной литературы:

1. Andocide. Discours/ Texte etabli et traduit par G.Dalmeyda. Paris, 1930. - Андокид. Речи, или История святотатцев/ Пер. и примеч. Э.Д.Фролова. СПб.,1996.
2. Aristoteles. Athenaion politeia/ Ed. M.Chambers. Leipzig, 1986. - Аристотель. Афинская полития/ Пер. С.И.Радцига, 2-е изд., М., 1937.
3. Plutarchus. Vitae parallelae/ Recognovit Cl.Lindskog et K.Ziegler, vol.I-III. Leipzig, 1957-1973. - Плутарх . Сравнительные жизнеописания/ Изд. подгот. С.С.Аверинцев, М.Л.Гаспаров, С.П.Маркиш, т. I - II. М., 1994.
4. Thucydides. Historiae/ Iterum recensuit C.Hude. Editio maior, vol.I-II. Leipzig, 1913-1925. - "Фукидид. История/ Пер.Г.А.Стратановского. Л., 1981.
5. Бузескул В.П. История афинской демократии. СПб.,2003.
6. Фролов Э.Д. Греческие тираны. Л., 1972.
7. Фролов Э.Д. Из истории политической борьбы в Афинах в V в. до н.э.// Андокид. Речи, или История святотатцев/ Пер. и примеч. Э.Д.Фролова. СПб.,1996. С.5-31.
8. Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.
9. Gomme A.W. Historical Commentary on Thucydides, vol. I-V, Oxford, 1966-81.
10. Ferguson W.S. The Oligarchical Movement in Athens// САН, 2-nd ed., vol.V, 1979. P.312-347.

© Владимирская О.Ю., 2017

